

Является ли «лингвистическое кантианство» кантианством?

Научный руководитель – Драгалина-Черная Елена Григорьевна

Смирнов Михаил Алексеевич

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия
E-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

Работа подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-05-0040) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)» в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Термин «лингвистическое кантианство» широко употребляется в аналитической философии для обозначения идеи о том, что познание действительности с необходимостью опосредуется языковыми формами, в которых оно осуществляется.

Нюансы понимания «лингвистического кантианства» и список относимых к нему философов варьируются у разных авторов. Так, Б. Смит характеризует «лингвистическое кантианство» как «доктрину о том, что структура языка... является ключом к структуре действительности» и относит к нему Г. Фреге, Б. Рассела и большую часть аналитических философов XX в. [9, р. 154]. Б. Страуд рассматривает как «лингвистическое кантианство» философию «Трактата» Л. Витгенштейна [10, р. 26]. Дж. Романос применяет этот термин к концепциям Р. Карнапа, Н. Гудмена и У. Куайна [8, р. 29]. М. Дебит и К. Стерелни полагают, что импульс кантианской тенденции в аналитической философии был дан концепцией Э. Сепира и Б. Уорфа, относят к кантианской линии конструктивизм Т. Куна и П. Фейерабенда, а также философию Х. Патнема [4, р. 246–258]. Р. Гейл говорит о «лингвистическом кантианстве» в связи с идеей об априорных характеристиках описания структуры процессов [5, р. 233].

Таким образом, в контексте аналитической философии сформировалось некоторая традиция употребления термина «лингвистическое кантианство». Впрочем, это употребление является несколько аморфным. Например, некоторые авторы с готовностью относят к «лингвистическому кантианству» философию Р. Карнапа, тогда как другие не включают его в число «лингвистических кантианцев» (о важных отличиях концепции языковых каркасов Карнапа от концепций в духе Сепира и Уорфа см.: [3, с. 13]).

В наши задачи здесь не входит обсуждение корректности применения термина «лингвистический кантианец» по отношению к тому или иному философу-аналитику. Мы рассмотрим иную проблему, связанную с этим термином, — которая состоит в том, что он является некорректным по отношению к Канту.

Прежде всего, следует отметить, что подобные концепции зачастую предполагают релятивизм, который отсутствует в философии Канта. Этот нюанс хорошо известен, в связи с чем для обозначения современных паракантианских идей нередко употребляется также термин «релятивистское кантианство».

Следующее отличие состоит в том, что кантианство не должно быть лингвистическим. Кантовский трансцендентализм отсылает не к языку, но к способностям субъекта познания — чувственности и рассудку. При этом рассудочный аспект познания Кант определяет как познание дискурсивное, то есть «через понятия» [1, с. 80], однако не связывает его со структурой языка, а тем более — с отличительными особенностями отдельных языков.

Что касается концепции лингвистической относительности, то она возникла до Канта (исследователи находят корни ее «родословной» в идеях Дж. Вико, Дж. Локка, Г. Ф. Лейбница [6]). В конце XVIII в. она активно артикулировалась такими философами, как И. Гердер и И. Гаман. В частности, согласно Дж. Пен, «Гаман был первым, кто полностью отождествил мышление и язык, т. е. первым апологетом радикального варианта гипотезы о лингвистической относительности» [7, р. 51]. Именно игнорирование Кантом роли языка стало основанием для «метакритики» его философии со стороны этих авторов.

Наконец, следует сказать о еще одном примечательном отличии «лингвистического кантианства» от философии Канта: они представляют собой два разных типа трансцендентализма, которые мы обозначим как «трансцендентализм субъекта» и «трансцендентализм посредника» соответственно. «Коперниканский переворот» Канта подразумевает смещение «активности» от внешнего мира к субъекту познания: согласно Канту, познание состоит не в согласовании созерцаний и понятий субъекта со свойствами внешних объектов, а в приложении субъектом форм своих когнитивных способностей ко внешнему миру [1, с. 18]. Лингвистический трансцендентализм же предлагает еще один вариант этой картины, отличный от кантовского. В нем «активное» начало принадлежит не внешнему миру и не собственным способностям субъекта познания, но чему-то находящемуся между ними: языку (как «универсальному посреднику») либо — в других концепциях этого типа — таким сущностям, как теория или парадигма. Применительно к философии раннего Витгенштейна это констатирует Б. Страуд: «Философия "Трактата" . . . помещает в центр интеллектуальной вселенной не человека, но . . . развоплощенную и абстрактную структуру, именуемую "язык"» [10, р. 25].

Отметим, что в концепциях такого типа этот посредник зачастую курьезным образом сам приобретает черты субъекта: он борется за выживание (например, в случае теорий, прибегающих к принципу Дюэма — Куайна); конкурирует с себе подобными; проходит этапы становления, зрелости и кризиса. Ярким примером этого является концепция научных парадигм Т. Куна [2].

Итак, термин «лингвистическое кантианство», несмотря на распространенность его употребления, не вполне корректен и может вводить в заблуждение относительно характера и происхождения обозначаемой им идеи. Эту идею с большим правом можно обозначить просто как лингвистический трансцендентализм.

Источники и литература

- 1) Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
- 2) Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
- 3) Макеева Л. Б. Язык и реальность // Логос. 2006. № 6 (57). С. 3—20.
- 4) Devitt M., Sterelny K. Language and Reality. Oxford, 1999.
- 5) Gale R. Some Metaphysical Statements about Time // The Journal of Philosophy. 1963. Vol. 60, No. 9. P. 225—237.
- 6) Konrád Koerner E. F. Towards a 'full pedigree' of the 'Sapir-Whorf Hypothesis': From Locke to Lucy // Explorations in Linguistic Relativity. Amsterdam, 2000. P. 1—25.
- 7) Penn J. Linguistic Relativity versus Innate Ideas. The Origins of the Sapir-Whorf Hypothesis in German Thought. The Hague, 1972.
- 8) Romanos G. Quine and Analytic Philosophy. Cambridge (MA), 1983.
- 9) Smith B. Against Fantology // Experience and Analysis. Vienna, 2005. P. 153—170.
- 10) Stroud B. "Ludwig Wittgenstein" by David Pears (Review) // The Journal of Philosophy. 1972. Vol. 69, No. 1. P. 16—26.